

Глава 1

День 1. Пороша

Он замерз. Проснулся он от холода, который сковал его тело и притупил боль. Холод измучил его. Стоило ему пошевелиться, как боль снова пронзала его насквозь. Сколько же он проспал?

«Ты ведь мог и насмерть замерзнуть».

Картонные коробки плохо держали тепло, мышцы его одеревенели, как у покойника. Он поднялся, опершись на стену, штукатурка крошилась под пальцами и сыпалась вниз. В голове пульсировала боль, которая снова вернулась или и вовсе не уходила — он не мог понять. Это ощущение боли словно жило своей жизнью. Он осторожно присел, как в замедленной съемке. Сквозь окно, завешенное одеялом, свет почти не проникал внутрь, подвальная решетка разрежала мир на полоски.

Яркие вспышки полыхали в мозгу, появлялись образы разможенных костяшек пальцев, лестничных ступеней, слышались голоса. Аспид забирал его воспоминания. Аспид таился сзади, в затылке: это место всегда оказывалось теплым, когда он просыпался. Аспид знал, что он ничего не сможет вспомнить.

— *Вставай!* — велел Аспид.

И тело повиновалось. Подвал вертелся вокруг него, желудочный сок подступал к горлу.

Он мог пошевелить левой ногой, и правой, и левой рукой... Только не смотреть на правую руку — наплевать на нее. Ему нужно выбраться отсюда как можно скорее — это важнее всего.

— *Пошел!* — зашипел Аспид.

Он толкнул решетку, прикрывавшую вход в подвал, нащупал лестницу и стал подниматься, с трудом преодолевая ступень за ступенью, как раненый зверь, лишенный прошлого.

Аспид взял командование на себя, он знал, что нужно делать. Теперь главное — не оборачиваться, только не сейчас.

Финн не обращал внимания на полную ложку каши с пастернаком, застывшую возле его рта. Ребенок запрокидывал голову и лопотал на своем языке:

— Б-э-э, б-э-э, омн.

— Ну же, Финн, тебе ведь всегда нравилась кашка. Ну-ка, ротик открыва-а-а-й!

Малыш, пискнув, откинулся назад. Комья каши разлетелись по всей кухне.

— Б-э-э, б-э-э. Бака б-э-э, б-э-э. Омн.

Мать Финна вздохнула. Если бы она могла понять хоть слово из того, что он весь день бормочет! Мальчик ерзал на своем высоком стульчике взад и вперед, уставившись в потолок. Он размахивал ручками.

— Мама омн! Мама омн! Б-э-э, б-э-э!

Капелька темно-красной жидкости упала Финну на переносицу, между глаз, и скатилась по щеке. Он скривил рот в беззубой улыбке и завизжал.

Мать Финна посмотрела вверх и тоже завизжала, но не от восторга.

Ханнес перепрыгивал через две ступеньки. На лестнице лежала зеленая ковровая дорожка, покрытая пятнами, — сущий ад для криминалистов, для которых она станет испытанием. Фары проезжавших мимо автомобилей заливали пролеты яркими пятнами света, оживляя тени. На четвертом этаже дверь в одну из квартир оказалась распахнута, и там было светло как днем. Одетые во все белое люди двигались медленно, словно астронавты, высаживающиеся на Луну.

На лестничной площадке сидел на корточках Тумблингер из экспертно-криминалистической службы и обмахивал мягкой кисточкой дверной косяк.

— Ты уже здесь? — повернулся он к Ханнесу, не выпуская из рук инструмента. — А Вехтер хотел тебя с собаками искать.

— Я спешил...

Ханнес начал было оправдываться, но вовремя остановился. Ему не следовало извиняться, словно он занимал не свою должность. Черт возьми, он ведь главный комиссар!

Тумблингер внимательно взглянул на коллегу и сказал:

— Каждый волосок на месте преступления стоит ящика пива.

— Ну ладно уж!

Ханнес засунул упрямую прядь волос под шапочку спецодежды. В глазах еще рябило после двухчасовой поездки на машине через метель. Застоявшийся табачный дым подсказывал, что Вехтер тут уже побывал.

Этот запах был знаком Ханнесу — такой же царил в его кабинете. Он вселял успокаивающую уверенность в том, что коллега Ханнеса, другой главный комиссар, уже взялся за дело и осмотрел место преступления.

Звонок Вехтера застал Ханнеса в конце проселочной дороги, вскоре после того, как он успел добраться домой. Дети радовались приходу декабря, они хотели отправиться в лес с факелами. Расмус собирался надеть свои только что купленные сапоги-луноходы. Можно было бы посадить Лотту в заплечную детскую сумку и прихватить пунш и какао. Теперь они отправились на эту прогулку без Ханнеса. Он на миг представил себе вечерний лес и пламя факелов, но тут же отвлекся на Вехтера, который вырос перед ним в белом защитном костюме, словно огромный снеговик, пребывающий в дурном настроении.

— Привет, Ханнес.

— Прости, я... — Ханнес только открыл рот, чтобы извиниться, но Вехтер протестующе поднял руку:

— Ну хватит. Главное, что ты уже здесь, на остальное мне плевать.

Вехтер развернулся и кивнул в сторону комнаты, залитой ярким светом.

Ханнес остановился в дверях и прикрыл ладонью рот и нос. Запах крови был очень сильным, потребуется несколько дней, чтобы от него избавиться. Он присел на корточки рядом с Вехтером: лучше подышать сигаретным дымом. Они словно устроились на берегу. На берегу озера.

Озера крови.

Перед ними, как декорация на сцене, в мощных лучах прожекторов животом вниз лежал труп. Виднелась лишь половина лица. Рядом один из криминалистов, примостившись на куске брезента, сантиметр за сантиметром обрабатывал специальной клеей лентой бежевые брюки жертвы. Лоб полицейского прорезала вертикальная складка. У Розы Беннингофф — или того, что от нее осталось, — были накрашены веки и губы. Лицо иссечено мелкой сеткой морщин, которые особенно четко проступали в ярком свете. Ее волосы, уложенные в идеальную прическу, и после смерти выглядели замечательно. Под подбородком

зияла громадная рана, края которой разошлись, из-за чего голова отделилась от туловища, держась лишь на шейных позвонках.

— Самоубийство мы, пожалуй, можем исключить, — произнес Ханнес.

— Мы это решили еще полчаса назад, но *merci*¹ за идею, — ответил Вехтер, не сводя глаз с трупа. Двое коллег принесли папки и еще несколько кусков брезента.

— Сейчас нужно ее перевернуть, — взглянув на них, сказал криминалист. — Здесь болтовня не поможет.

Брезент зашуршал, и Ханнес отвернулся. Его желудок взбунтовался, а ведь он даже не успел поужинать. Может, и к лучшему. Хотя они здесь быстро не управятся.

— Начальница еще не приехала? — Ханнес окинул взглядом комнату, но не заметил ее седой косы.

— У нее грипп.

— И кто ее заменяет?

— Ну кто, по-твоему?! Единственный идиот, который вовремя сделал прививку от гриппа. — Вехтер похлопал себя по груди. — А что мне еще остается, если половина комиссариата лежит пластом? Чертов холод нас доконает.

— А Элли?

— Не берет трубку. Она собиралась на танцы.

— Вот неудача.

Когда Ханнес снова обернулся, труп уже лежал на спине, с головой, обращенной в противоположную от них сторону. Прямо перед ним зияла рана на шее. Ему казалось, что он видит перерезанные артерии, гортань или даже часть шейных позвонков.

Каким оружием можно было нанести такую рану? Ханнес сморгнул и попытался увидеть в этом трупе живого человека. Если встречались целые, не изувеченные тела, ему это удавалось: они казались спящими детьми. Но, когда попадались трупы с такими ранами, Ханнес сразу понимал, что от живого человека тут ничего не осталось.

Был, да весь вышел.

К несчастью.

— Вы орудие убийства нашли? — спросил он, чтобы перевести ход своих мыслей на нечто более осязаемое.

---

¹ Спасибо (фр.). (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное).

— Нет, а ты?

Это был риторический вопрос, и все же Ханнес поднялся и осмотрел комнату. Благодаря открытой кухне-студии однокомнатная квартира казалась больше, чем была на самом деле. С потолка сыпалась штукатурка, на стенах покорибилась выдавшая виды краска, и ее волны в свете прожекторов отбрасывали тени, создавая причудливые образы. Между дощечками дубового паркета виднелись щели. Таковы бесценные старые дома на мюнхенской Принцрегентенштрассе¹. «А какой-нибудь спекулянт мог бы и убить за такую квартирку», — подумал Ханнес и испугался собственной мысли. Если у жертвы не было старого договора о найме, тогда в деле замешаны деньги. Им нужно раскрутить эту версию.

Он прошел по оставленной криминалистами дорожке; половицы скрипели и прогибались при каждом шаге, в серванте звякали бокалы. На стойке, отгораживавшей зону кухни от жилой комнаты, лежала наполовину прочитанная газета «Зюддойче цайтунг», а рядом — очки. Роза Беннингхофф читала газету от начала и до конца: сначала раздел политики, потом фельетоны. Следующая рубрика посвящалась экономическим событиям. Рядом стоял единственный, наполовину пустой винный бокал с высохшими потеками по краям.

— Она не ждала гостей.

— И все же здесь был кто-то еще, — произнес Вехтер. — Только мы пока не знаем, кто именно. И почему.

Один из криминалистов обернулся и сказал:

— Здесь натоптано, как на вокзале.

— Как он попал внутрь? — Ханнес сразу подумал о мужчине.

Как всегда, слишком поспешные выводы. Внутренний критик поправил его: «Я хотел сказать: он или она». Хотя, глядя на следы бойни на полу, трудно было предположить, что здесь орудовала женщина.

— Она сама впустила этого человека. Никаких следов взлома нет, — заметил Вехтер.

— Кто ее обнаружил?

— Кровь просочилась через пол и стала капать в квартире этажом ниже, на кухне, прямо во время ужина. — Вехтер поднялся, охнул и помассировал колено.

---

¹ Принцрегентенштрассе — одна из четырех крупнейших и самых важных улиц Мюнхена. (Примеч. пер.)